Автономия Эстонской Православной Церкви: страницы истории

Доклад заместителя председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерея Николая Балашова на проходящей в онлайн-формате ***международной историко-богословской конференции «Эстонская Православная Церковь: 100 лет автономии»****.*

Эстонское Православие как религиозное и культурное явление сформировалось к началу XX столетия в лоне Русской Православной Церкви.

С 1817 г. в составе Санкт-Петербургской митрополии было учреждено Ревельское викариатство, переведённое в 1865 г. в состав Рижской епархии. Уже с середины XIX в. в Прибалтике происходило массовое приобщение к Православию местного населения, в том числе эстонцев. Святитель Филарет (Гумилевский) в период своего пребывания на Рижской кафедре (1841–1848) разработал программу, предполагавшую подготовку духовенства из латышей и эстонцев, а также совершение богослужения на родных для них языках**[1]**.

Например, только в 1845–1848 гг. в эстонской части Лифляндской губернии к Православию присоединилось 63 858 крестьян. С 1846 г. осуществлялся набор эстонских юношей в духовное училище. Тогда же появились и первые священники-эстонцы**[2]**: Иоанн (Яан) Колон**[3]** и Киприан Сарнет**[4]** из выпуска Псковской духовной семинарии 1845 г. Стала появляться духовная литература на эстонском языке, например, пособие по Закону Божию в переводе на эстонский язык священника И. Линдберга**[5]**. В 1851–1870 гг. Рижская епархия издавала календарь на эстонском и латышском языках. Позднее, в 1917 г., собрание эстонского духовенства засвидетельствовало: «Православие стало поддержкой в образовании для большого числа детей из эстонской бедноты и этим содействовало духовному развитию Эстонии»**[6]**. Большое значение для миссии среди эстонцев имел Пюхтицкий монастырь, насельницам которого их духовный наставник, святой праведный Иоанн Кронштадтский, заповедал подвиг благотворительного служения эстонскому населению. Уже в 1887–1889 гг. в Йыхви открылись школа, лечебница и приют для сирот.

В Рижской епархии к 1914 г. насчитывалось уже 99 эстонских приходов при 29 русских**[7]**. Важную роль в оформлении эстонской православной традиции сыграл священномученик Платон (Кульбуш, 1869–1919), сын эстонца-псаломщика, выпускник Рижской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, с 1894 г. служивший настоятелем эстонского прихода в Санкт-

Петербурге, где им было создано Братство священномученика Исидора Юрьевского и в 1907 г. построен одноимённый храм, участие в сборе средств на строительство которого принял святой праведный Иоанн Кронштадтский. В разносторонней деятельности Исидоровского братства нашло отражение формирование самобытной эстонской православной традиции, находившейся в процессе своего развития и канонического оформления.

Вопрос о преобразовании Ревельского викариатства в самостоятельную епархию с назначением епископа-эстонца ранее поднимался губернатором Эстляндии кн. С. Шаховским, но не получил поддержки в Синоде. Условия для этого сформировались только после Февральской революции 1917 г.

6–7 апреля 1917 г. в Таллине прошло совещание клириков и мирян эстонских приходов**[8]**, поставившее цель «провести необходимые обновления», чтобы, «оставаясь неотделимой частью Всероссийской Православной Церкви, и с позиций жизненных нужд народа Эстонии получить возможность, доселе недосягаемую, для естественного развития своей духовной жизни». Эти слова – не что иное как определение автономии, идея которой к тому времени сформировалась в сознании православных эстонцев.

«Наши требования по обновлению не являются… плодом нетерпимости или недальновидного стремления к отделению», – гласит итоговый документ. – «Пословица гласит: „Каждая птица по-своему поет“. Так и у каждого народа есть свой родной язык, самобытные обычаи и уклад. И у эстонского народа есть своё сердце, своя душа, свой язык и свое чувство… Наши обновления не касаются и не будут касаться ни догм Православной Церкви, ни ее апостольского учения… Наши нововведения… касаются лишь некоторых церковных правил и порядков, которые близки русскому народу, но для большей части эстонского народа чужды и непонятны, и таковыми и останутся… Всеобщие же реформы, которые будут введены Всероссийским православным Собором, мы признаем и верим, что свободный Российский Собор не запретит нам местные отличия, вытекающие из нашей жизни, поскольку во всех местных православных приходах они так или иначе уже имеются»**[9]**. Среди пожеланий, высказанных собранием, прямо упоминаются лишь немногие: «Чтобы все эстонские дети могли с нового учебного года учиться Закону Божию на родном языке»**[10]**, «чтобы все православные приходы Эстонии, включая псковских эстонцев, вошли в Эстонскую епархию», «не препятствовать родителям в выборе эстонских крестных имен»**[11]**, «поддержать строительство здания Музея народа Эстонии и для этого начать сбор пожертвований»**[12]**, установить избрание епископата из числа местных жителей: «Епископ должен быть избираем из местных жителей, знать местные языки»**[13]**.

8 августа 1917 г. в Юрьеве (ныне Тарту) состоялось собрание Рижской епархии, избравшее кандидатов на Всероссийский Поместный Собор. Архиепископ Рижский и Митавский Иоанн

(Смирнов) поддержал предложение православных эстонцев о преобразовании Ревельского викариатства – с тем, чтобы в него вошли все эстонские приходы. Архиепископ Иоанн представил в Синод проект создания в Рижской епархии двух викарных кафедр: для Латвии и Эстонии**[14]**.

18 декабря 1917 года Священный Синод постановил протоиерею П. Кульбушу быть епископом Ревельским, а 31 декабря 1917 г. его хиротонию совершили священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский, и викарий Петроградской епархии епископ Лужский Артемий (Ильинский). В ночь с 14 на 15 января 1919 г. епископ Ревельский Платон был расстрелян. При этом самостоятельная Эстонская епархия к тому времени так и не была создана, хотя высказанная в 1917 г. епископом Старицким Иоанном (Поммером) идея о разделе Рижской епархии с выделением самостоятельной Ревельской в ходе дискуссий получила поддержку архиепископа Рижского Иоанна (Смирнова). До своей кончины епископ Платон оставался викарием и, по поручению Синода, временно осуществлял управление всей Рижской епархией.

1 декабря 1918 г. епископ Платон сделал епархиальному совету следующее предложение № 957: «В случае, если возникнут неожиданные препятствия к выполнению мною своего служения, например болезнь или длительное отсутствие и т. п., предлагаю епархиальному совету взять на себя полную и ответственную власть в деле управления епархией»**[15]**. Именно такая ситуация сложилась после мученической кончины епископа Платона. В извещении временного Эстонского епархиального совета православным приходам Эстонии от 9 февраля 1919 г. отмечается, что «на основании этого указания епархиальный совет со дня смерти епископа 14(1) января взял на себя полную и ответственную власть в управлении епархией». Специфика ситуации заключалась в том, что Эстония провозгласила государственную независимость: Эстония и Латвия уже были разделены государственными границами. Эстонский епархиальный совет констатировал, что «делегаты из Латвии уже с 1918 г. вышли из совета»**[16]**, что «в нынешнем епархиальном совете остались только делегаты из Эстонии и под их руководством находятся только эстонские православные приходы». Потому решено «назвать этот совет не Рижским, а Эстонским», а его работу перенести в Таллин; постановлено, что «языком делопроизводства отныне вместо русского, который совет до сих пор вынужден был использовать для связи с Латвией, является эстонский»**[17]**.

Приведение в порядок церковной жизни, расстроенной оккупацией и политическими потрясениями, также предстояло осуществлять в новых условиях государственной независимости Эстонии. Постановлено было созвать 18 марта 1919 г. в Таллине Поместный собор православных приходов Эстонии с широкой повесткой, включавшей первым номером важную тему «Отношения эстонских апостольско-православных приходов с российскими приходами».

«Мы остались без своего епископа, а также переживаем чрезвычайно важный период»**[18]**, –

писал Совет. Важность усматривалась, прежде всего, в концептуальном выборе нового пути в условиях государственной независимости. Казалось, что создание Эстонской епархии, чего не удалось добиться при жизни священномученика Платона, теперь станет реальностью.

В условиях, когда Латвия и Эстония стали независимыми государствами, их единство в рамках Рижской епархии оказалось чисто умозрительным. Резолюция общего собрания православных приходов Эстонии от 21 марта 1919 г. гласила: «Православная Церковь в Эстонии с точки зрения потребностей эстонского народа и государственного суверенитета Эстонии должна быть отдельной, независимой, автокефальной Церковью и [находиться] в братской связи и единстве со всеми другими апостольскими православными восточными Церквами»**[19]**.

В числе оснований для этого решения указано, что «отсутствует всякое общение с прежней Матерью Церковью в России и в любом случае получить оттуда епископа совершенно невозможно», а «Эстония объявлена независимой республикой». Исходя из того понимания, что «всякое общение с прежней Матерью Церковью закрыто на неопределённое время, и паства Эстонской Апостольской Православной Церкви находится в серьёзной опасности в отсутствие епископа», ставилась задача «немедленно установить фактическую независимость Эстонской Церкви». Подчёркивалось: «Наша Церковь в Эстонии – в прошлом часть Российской Церкви», причём «национальные основы Российской Церкви не соответствуют национальным чаяниям эстонцев, многие местные требования Эстонской Апостольской Православной Церкви не встретили отклика, и надеяться на это в будущем не приходится».

Обрисована была также и структура Эстонской Церкви: «Высшим церковным руководством являются митрополит Эстонский и Синод Эстонии, членами которого являются все епископы Церкви и избранные представители священства»**[20]**. Проводится мысль, что действие происходит «в переходный период, до достижения эстонскими апостольскими православными общинами независимости в полной мере, хотя на деле они уже независимы». Так в сферу канонов и церковного управления вторгалась политика – решения начинали приниматься, исходя лишь из политической реальности государственной независимости Эстонии.

Архиепископом избрали профессора А. Каэласа, находившегося в Сибири и вскоре неожиданно скончавшегося, так и не вернувшись на родину, а его викарием – иерея Александра Паулуса, за которого эстонцы высказались единогласно, а участники от русских приходов воздержались**[21]**.

Среди причин появившегося в 1919 г. стремления эстонских православных к автокефалии своей Церкви, как упомянуто выше – фактор выделения Эстонии в самостоятельное государство, больше не связанное ни с Латвией, ни с Россией ни общим законодательством, ни общей государственной политикой.

Ошибочно, тем не менее, считать, что автокефалия ЭАПЦ была самоцелью – обсуждалась и перспектива её участия в проекте создания автокефальной части финно-угорского мира бывшей Российской империи. В своём письме от 25 октября 1921 г. архиепископу Рижскому и всея Латвии Иоанну (Поммеру) архиепископ Финляндский Серафим (Лукьянов) писал: «Ещё в 1919 г. на Соборе в Выборге состоялось определение об организации автокефальной Церкви из Финляндской, Эстонской епархий и карельских частей Олонецкой и Архангельской. Эстонцы в том же году присоединились к этому проекту…»**[22]**. Здесь, очевидно, имеется в виду Чрезвычайный епархиальный собор духовенства и мирян Финляндской Православной Церкви 6–27 июня 1919 г.**[23]**, выдвинувший стратегию расширения автономии на пути к автокефалии. «Рабочим ориентиром» как для Финляндии, так и для Эстонии в период 1919–1921 гг. оказалось получение автономии – как в качестве задела в продвижении к автокефалии, так и для решения текущих внутренних задач.

Хотя в условиях гражданской войны в Эстонии казалось, что «отсутствует всякое общение с прежней Матерью Церковью в России», контакты всё же осуществлялись, и в конце того же 1919 г. именно в результате этих контактов была учреждена Эстонская епархия Русской Православной Церкви. В ответ на телеграмму уполномоченного Эстонским епархиальным советом протоиерея Карпа Тийзика**[24]** 9 декабря 1919 г. последовал указ Патриарха Московского и всея России Тихона епархиальному совету Эстонской Республики**[25]**, где упоминается, что в соединённом присутствии Священного Синода и Высшего Церковного Совета 6/19 ноября было «постановлено учредить в Эстонской Республике самостоятельную Эстонскую епархию на одинаковых с прочими епархиями Российской Православной Церкви основаниях»**[26]**. При этом сообщается, что ранее постановлением Высшего церковного управления от 7/20 октября 1919 г. за № 1050 было поручено Преосвященному Псковскому рукоположить священника Александра Паулуса «в сан епископа Ревельского, викария Рижской епархии, и предложить ему вступить в управление церковными делами Эстонской Республики», а затем было принято и решение учредить самостоятельную епархию, учитывая новые условия, когда, как говорилось в телеграмме о. Карпа Тийзика, «в Эстонской Республике может руководить Церковью только автономный епископ, независимый от Рижской или какой-либо другой епископской кафедры»**[27]**.

28 июня 1920 г. член Священного Синода митрополит Владимирский Сергий (Страгородский), в будущем — Святейший Патриарх Московский и всея Руси, в письме уполномоченному Епископского совета Эстонии директору Ревельской реальной гимназии П.И. Сеппу, посетившему Москву для устного доклада на тему современного положения в Эстонии, сообщил о принятом постановлении Высшего церковного управления Православной Российской Церкви: «**Ввиду того, что Эстонская Церковь, как находящаяся в пределах самостоятельного государства, фактически уже пользуется самостоятельностью во всех делах церковно-**

хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительных и церковно-гражданских, и в разъяснение постановления соединённого присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 27 апреля – 10 мая 1920 г. за № 183 **признать Эстонскую Православную Церковь, согласно её желанию, автономною впредь до разрешения вопроса об автокефалии её Всероссийским церковным Собором**»**[28]**.

Таким образом, Русская Православная Церковь в 1920 г. даровала своей пастве в Эстонии именно то, чего желало собрание эстонского православного духовенства еще весной 1917 г. – положение, позволявшее, «оставаясь неотделимой частью Всероссийской Православной Церкви… получить возможность для естественного развития своей духовной жизни». У определённых кругов эстонского государственного руководства и православного духовенства Эстонии не исчезло, вместе с тем, и оформившееся уже стремление найти пути для получения своей Церковью автокефалии. Этот поиск, осуществлявшийся втайне от Матери-Церкви, привёл представителей данной партии к переговорам с Фанаром и появлению в 1923 г. печально известного томоса Патриарха Константинопольского Мелетия IV.

В историю Эстонского Православия важными вехами вошли, во-первых, учреждение в 1919 г. независимой Эстонской епархии и, во-вторых, создание в 1920 г. автономной Эстонской Православной Церкви, обладавшей самостоятельностью «во всех делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительных и церковно-гражданских». По прошествии многих лет, отмеченных сложными событиями и тяжёлыми испытаниями, эти слова повторил Томос Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 26 апреля 1993 г., которым после долгой эпохи гонений на Церковь в Эстонии восстанавливалась автономия. Этой автономией и доныне во всей полноте пользуется самоуправляемая Эстонская Православная Церковь Московского Патриархата – наследница автономной Эстонской Церкви 1920 г. и традиции священномученика епископа Ревельского Платона.

Получение автономии в 1920 г. было важным рубежом в становлении Эстонской Православной Церкви. Поздравляя архиепископа Александра (Паулуса) с хиротонией, Патриарх Тихон писал: «Храним твердое упование, что дарование автономии Эстонской Церкви послужит залогом преуспеяния ее на путях устроения Царства Божия в людях»**[29]**. ЭАПЦ в те годы и сознавала, и исповедала себя автономной Церковью в составе Церкви Русской. В своём письме Патриарху Тихону от 24 сентября 1920 г. Синод ЭАПЦ именует себя не иначе как «Синод **автономной** апостольской православной Церкви Эстонии»**[30]**. Отчётливо представлял себе канонический статус ЭАПЦ и Патриарх Константинопольский Мелетий IV, упомянув в своём Томосе от 9 июля 1923 г., что «Блаженнейшим Патриархом Московским и всея Руси владыкой Тихоном святая православная Церковь Эстонии выделена в автономную»**[31]**.

Дарование автономии ЭАПЦ стало прецедентом для придания в 1921 г. автономного статуса также Финляндской, Латвийской и Польской Православным Церквам, действовавшим в получивших независимость лимитрофных государствах.

В упомянутом выше письме от 25 октября 1921 г. архиепископу Иоанну (Поммеру) архиепископ Финляндский Серафим (Лукьянов) так отзывался о новом статусе ФАПЦ: «Автономия эта очень широкая – почти автокефалия»**[32]**. Трудно было бы отыскать объективную пастырскую или административную причину, которая бы в таких условиях могла побуждать к поиску автокефалии.

Тем не менее, в общем спектре взглядов на будущее Эстонского Православия, так или иначе проявивших себя после 1919 г., по-прежнему продолжал развиваться замысел о получении полной независимости ЭАПЦ. Можно предположить, что он отчасти был связан с характерным для лютеранской традиции идеалом национальной государственной Церкви. Независимое эстонское государство декларативно стремилось обеспечить независимость религиозных организаций, объединяющих его граждан, от родственных им конфессиональных центров в соседних странах – прежде всего, в Советской России**[33]**. В действительности же, конечно, побудительным мотивом служило желание обеспечить максимальную подконтрольность основных конфессий политическому руководству молодой республики. Так, латвийский посол в Таллине Я. Сескис писал министру иностранных дел Латвии З.-А. Мейеровицу в депеше от 23 декабря 1923 г. (т. е. уже через полгода после перевода ЭАПЦ под юрисдикцию Фанара): «Было бы очень желательным, чтобы Православные Церкви в балтийских странах стали бы национальными, оторванными от Москвы… Президент Эстонии Пятс думает, что наш Иоанн не такой уж неуступчивый, его можно будет заинтересовать возможностью занять почётное и материально обеспеченное положение. Правительство должно показать свой интерес в решении этого вопроса и изменить ситуацию»**[34]**. Насколько можно понять, эстонское государственное руководство было удовлетворено результатами собственной работы с архиепископом Александром (Паулусом) и даже позволяло себе выступать с известными рекомендациями для соседей. Правда, в Латвии достигнуть поставленной цели удалось лишь в 1936 г. и только ценой убийства «неуступчивого» священномученика митрополита Иоанна (Поммера), отказа в разрешении на проведение Собора Латвийской Православной Церкви в течение полутора лет и замены по требованию МВД Латвии почти всего состава Синода Латвийской Православной Церкви, а также изменения Устава Латвийской Православной Церкви**[35]**.

Задуматься о вдохновителях и проводниках вмешательства Фанара в эстонские церковные дела заставляет зафиксированное в резолюции от 21 марта 1919 г. Общего собрания православных приходов Эстонии решение «через Англиканскую Церковь… попросить поддержки у правительства Англии, чтобы мы смогли утвердить в ближайшее время своё высшее иерархическое представительство»**[36]**. Хорошо известно, что и сам Патриарх Мелетий IV в

рассматриваемый период черпал поддержку прежде всего в контактах с англичанами. Имеются и другие данные, свидетельствующие о действительном посредничестве Великобритании в переговорах эстонских властей с Константинопольским Патриархом**[37]**.

Итак, летом 1923 года архиепископ Александр, действуя в согласии со светскими властями, но без всякого соборного обсуждения и даже «без ведома большей половины членов тогдашнего Синода»**[38]** отправился с визитом на Фанар к Патриарху Константинопольскому Мелетию IV просить именно об автокефалии Эстонской Церкви. В речи, произнесенной 3 июля в Константинопольской Патриархии, владыка Александр отметил, что еще в 1920 году «Патриарх всея Руси признал автономию Эстонской Церкви». Но теперь, заявил архиепископ, «для роста и развития Эстонской Церкви жизненно необходимо признание ее автокефалии». И потому требуется, чтобы Вселенский Патриарх как «источник света православной веры, просветившего нас через Россию» теперь же эту автокефалию признал и благословил и «убедил других Патриархов Восточной Православной Церкви согласиться» с нею**[39]**.

Патриарх Мелетий, однако, никакой автокефалии эстонцам не дал. Такого рода услуга, как известно из истории, стоила намного дороже: польскому правительству годом позже томос об автокефалии обошелся в изрядную по тем временам сумму в 12 тысяч фунтов стерлингов в долларовом эквиваленте, как свидетельствуют документы**[40]**, а архиепископ Александр, судя по его собственным словам, привез на Фанар лишь символические подарки: «крест, украшенный лентой в национальных цветах Эстонии» и «омофор с настоящей эстонской вышивкой»**[41]**. Поэтому в изданном 7 июля 1923 года Патриаршем и Синодальном акте Мелетий IV просто переподчинил Эстонскую Церковь себе и своему Синоду, присвоив ей наименование «Эстонская православная митрополия». При этом делались хорошо известные нам по недавней истории легализации украинского церковного раскола ссылки на якобы присущие Константинопольскому престолу права, согласно которым он «осуществляет каноническое попечение о церковном устроении православных общин, оставшихся без пастырского окормления». Обоснованием также послужили ссылки на то, что «из-за возникших в России церковных нестроений Православная Церковь Эстонии оказалась разлученной со Святой Российской Православной Церковью, в канонической зависимости от которой она до сих пор состояла», а также признание того факта, что «Блаженнейшим Патриархом Московским и всея Руси господином Тихоном Святая Православная Церковь Эстонии выделена в автономную»**[42]**. Всего лишь через несколько дней Патриарху Мелетию Метаксакису пришлось покинуть бегством Стамбул вследствие массовых волнений с участием верующих, которые были возмущены его антиканоничными новшествами, введенными на завершившемся месяц назад Всеправославном конгрессе. Вскоре горе-реформатор был вынужден окончательно уйти в отставку**[43]**. А владыка Александр, приобретя на Фанаре сан митрополита (скорее всего, ему, воспитанному в обычаях Церкви Русской, было невдомек, что для греческой традиции переход из архиепископа в митрополиты — понижение, а

вовсе не повышение в чести), по возвращении в Эстонию долго думал вместе с государственными кураторами, что же делать с полученным двусмысленным документом.

Выход был найден незатейливый: всех греческих хитросплетений не замечать и делать вид, что получили как раз то, за чем и ездили. Многочисленные свидетельства современников говорят: митрополит Александр всех уверял, будто из Константинополя привез разрешение на автокефалию Эстонской Церкви**[44]**. Вот и в опубликованном после всех раздумий 23 сентября 1923 года послании митрополита Александра к пастве говорилось: «7 июля сего года Эстонская Церковь пришла, наконец, к канонически независимому положению. Отныне Эстонская Церковь стала законной частью Церкви Вселенской и носит имя Эстонской митрополии»**[45]**. Правда здесь только в последних словах — о митрополии. Про независимость в греческом документе не найти ничего. Напротив, здесь говорится «о взятии ее (Церкви Эстонии. — *Н.Б.)* под наше духовное окормление и попечение в порядке постоянного канонического церковного устроения и руководства», притом «с условием неуклонного соблюдения» целого ряда требований, в числе которых — ответственность местного Синода «перед Вселенским Патриархом и его Синодом» за соблюдение не только «Божественных догматов, канонического правопорядка», но и его «собственных установлений»; по всем судебным делам, касающихся епископов, «право на обжалование» принадлежит «Вселенскому Патриарху, который вместе с митрополитами своего Синода выносит окончательное заключение»; «ни одно из вводимых установлений не должно по своему существу вступать в противоречие с учением и канонами Святой Православной Церкви, как они понимаются в практике Вселенского Патриархата»**[46]**.

Как справедливо отметил в 1940 г. местоблюститель Московского Патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский), «в результате Эстония лишь сменила… своего изначального и законного кириарха**[47]** Московского на приглашенного со стороны самими эстонцами и, неизвестно на каком основании, решившегося принять такое приглашение», поскольку не было «канонически достаточных оснований, которые оправдали бы такой разрыв с законным кириархом»**[48]**.

Единственная роль, которую сыграл акт Патриарха Мелетия в дальнейшей судьбе эстонского Православия – это временное отделение части эстонской паствы от Русской Православной Церкви. В остальном он никогда не исполнялся в Эстонии. Не состоялось предписанное в нем разделение митрополии на три епархии, не были реализованы и прочие «непременные условия», изложенные в документе. Насколько последовательно митрополит Александр игнорировал положения полученной на Фанаре грамоты, отчетливо видно из Устава Эстонской Церкви, принятого в 1926 г. Эстонская Апостольская Православная Церковь характеризуется здесь как «независимое, самоуправляемое учреждение… (которое. — *НБ*) как часть вселенской Ап[остольско]-православной Церкви состоит в братских отношениях со всеми другими

Ап[остольско]-православными Церквами». Нет речи ни о литургическом поминовении Константинопольского Патриарха, ни о каких-либо его правах; более того, о самом его существовании в уставе не упоминается ни разу**[49]**. По всем признакам это устав автокефальной Церкви. В пришедшем ему на смену Уставе 1935 года также не говорится о каком-либо подчинении Константинопольскому Патриарху – даже в том, что касается утверждения избрания нового Предстоятеля. Константинопольский Патриарх лишь должен был уведомляться об избрании нового митрополита ЭАПЦ**[50]**.

Известно, что действия митрополита Александра вызвали разделения в Эстонской Церкви. Так, в августе 1923 года приходской совет Александро-Невского собора в Таллине отмечал, что «совесть православных русских людей смущена слухами об объявлении автокефалии Эстонской Православной Церкви, устанавливающейся, по-видимому, без благословения на то со стороны единственного законного главы Российского Патриархата, к коему принадлежит и Эстонская Церковь, Святейшего Тихона»**[51]**. Объединенное собрание приходских советов таллиннских русских приходов в сентябре постановило, что эти общины «без благословения Патриарха Московского Тихона никаких изменений в формах дальнейшего существования Эстонской Православной Церкви законными признать не могут» и отказываются принять участие в состоявшемся 23 сентября торжественном богослужении по случаю провозглашения церковной независимости**[52]**. Митрополит Александр был вынужден прибегнуть к обману: на встрече с представителями русских общин он утверждал, будто обращение в Константинополь «и не могло состояться без благословения Патриарха Тихона», а «о совершившемся акте Его Святейшеству Патриарху Тихону сообщено Константинопольским Патриархатом»**[53]**. Убедившись в неправдивости этих сведений, русские общины в Таллине попытались весной 1924 года созвать свой съезд и выйти из подчинения митрополиту Александру, но МВД Эстонии запретило проведение собрания**[54]**. В дальнейшем действиями полицейских властей пришлось подавлять народное противодействие насильственному введению нового календарного стиля и западной пасхалии; обязательность нового стиля даже была закреплена принятием государственного закона и постановления министра внутренних дел Эстонии**[55]**.

Перейдя своевольно под омофор Патриарха Константинопольского, митрополит Александр (Паулус) без ведома своего нового кириарха и даже в пренебрежение его правами (пусть и мнимыми) заверял Патриарха Тихона, что будет поминать сразу обоих Предстоятелей: «За священный долг почитаем и впредь поминать Ваше имя как законного Патриарха Российского вместе с именем законного Патриарха Константинопольского, а равно извещать Ваше Святейшество вместе с Константинопольским Патриархом о вступлении в должность каждого нового митрополита Эстонии»**[56]**. В том же письме он благодарил за «отеческое содействие» и за «бывшие о нашей Церкви отеческие заботы», неуклюже объясняя свой поход в Константинополь тревогой за будущее Эстонской Церкви, «отдаленной от православных центров и как бы

вкрапленной в инославную массу» и необходимостью соблюдения «в неприкосновенной чистоте святой православной веры, что особенно важно в нынешнюю трудную для Церкви годину»**[57]**. Это послание было получено Патриархом, о чем свидетельствуют собственноручная расписка святителя и уведомление Министерства иностранных дел Эстонии**[58]**. Данное обстоятельство подтверждает, что ссылки на невозможность поддерживать связь с Русской Церковью, которые приводились как в заявлении архиепископа Александра в Константинополе, так и в акте Патриарха Мелетия, не были свободны от серьезного преувеличения.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что движение, стремившееся к автокефалии ЭАПЦ, изначально стало объектом манипуляции кругов, руководствовавшихся сугубо политическими целями получения исключительного контроля над церковными делами Эстонии. Вовлечение в качестве инструмента такой политики Константинопольского Патриархата в 1923 г. ограничилось выдачей документа, реальное содержание которого было полностью проигнорировано и даже неизвестно подавляющему большинству верующих в Эстонии. Впрочем, и в Стамбуле о прибалтийской республике тоже, кажется, не часто вспоминали: ни один из иерархов Константинопольского Синода не посещал страну за 17 лет пребывания Эстонской митрополии в его каноническом ведении. Таким образом, присутствие Константинопольского Патриархата в предвоенной Эстонии следует признать фиктивным, а церковную жизнь Эстонской Церкви – оказавшейся в изоляции, но продолжавшей развиваться на основах, которые были заложены до 1923 г. Русской Православной Церковью.

За рамки темы настоящего доклада выходит история упразднения Константинопольского томоса в 1978 году Патриархом Димитрием и Священным Синодом Константинопольского Патриархата, как и его антиканонического возобновления Патриархом Варфоломеем в году 1996, послужившего чем-то вроде приготовления к беззаконному вторжению Константинопольского Патриарха на Украину двумя десятилетиями позднее. Отметим, однако, что беззастенчивое игнорирование норм церковного права и политический оппортунизм со времен печальной памяти патриарха Мелетия Метаксакиса прочно вошли в практику Константинопольской Церкви и привели в конце концов к трагическому расколу мировой православной семьи. При этом растущий канонический нигилизм Константинопольской иерархии порождает удивительную легкость в отношении и к собственным актам и установлениям, которые в зависимости от политической конъюнктуры провозглашаются и игнорируются, «забываются» и вновь «вспоминаются» при удобных обстоятельствах…

Русская Православная Церковь, начав с предоставления автономии Церкви Эстонской сто лет назад, со временем выработала детализированную в церковноправовом отношении, уставно регламентированную практику церковной автономии, осуществляемой в жизни Самоуправляемых Церквей. В жизни Константинопольской Церкви на фоне укрепления папистских устремлений и развития богословия «Первого без равных (Primus sine paribus)», напротив, наблюдается

неуклонный рост тенденции к нивелированию значения какой-либо самостоятельности не только автономных, но и автокефальных Поместных Церквей.

Автономия, полученная ЭАПЦ в 1920 г. в составе Русской Православной Церкви и продолжающаяся ныне в Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата на основе томоса 1993 г. и действующего церковного устава, была и остаётся на сегодняшний день актуальной и наивысшей точкой в историческом развитии Эстонского Православия. Её положения пастырски и канонически оправданы, будучи обусловлены свободным волеизъявлением православного церковного народа Эстонии и заботой о его благе со стороны Матери-Церкви.

[1] *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.* Православие в Эстонии // Православие в Эстонии / Ред. прот. Н. Балашов, С.Л. Кравец. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 1. С. 57.

[2] Там же. С. 72.

[3] Православие в Эстонии: X–XXI столетия. Энциклопедический справочник. Таллин, 2014. С. 161.

[4] Там же. С. 315.

[5] *Алексий II.* Православие в Эстонии. С. 80.

[6] Православие в Эстонии / Ред. прот. Н. Балашов, С.Л. Кравец. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 2. С. 7.

[7] Там же. С. 64.

[8] Там же. С. 5–6.

[9] Там же. С. 7–8.

[10] Там же. С. 9.

[11] Там же. С. 12.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 10–11.

[14] Эстонский церковный кризис // Православие в Эстонии. Т. 1. С. 196.

[15] Православие в Эстонии. Т.2. С. 14.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 15.

[18] Там же. С. 16.

[19] Там же. С. 20.

[20] Там же. С. 22.

[21] Там же. С. 26.

[22] Там же. С. 40.

[23] *Шевченко Т.И.* К вопросу о юрисдикции Финляндской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. II:1(26). С. 51.

[24] Православие в Эстонии: X–XXI столетия. С. 359.

[25] Православие в Эстонии. Т.2. С. 26.

[26] Там же. С. 27.

[27] Там же.

[28] Там же. С. 32.

[29] Там же. С. 38.

[30] Там же. С. 33.

[31] Там же. С. 43.

[32] Там же. С. 40.

[33] *Балашов Николай, прот., Прекуп Игорь, прот.* Проблемы Православия в Эстонии. Таллин, 2013. С. 32.

[34] Цит. по: *Гаврилин А.В.* Архипастырский путь Иоанна Гарклавса. Православные латыши: введение во храм // Русский мир и Латвия. Seminarium hortus humanitatis: Альм. XXI. Рига, 2010. С. 43.

[35] См.: *Гаврилин А.В.* Латвийская Православная Церковь в тридцатых годах XX века // Церковь и время. 2003. № 22. С. 173–177; *Феофан (Пожидаев), игумен.* Священномученик Иоанн, архиепископ Рижский. Рига, 2004. С. 54–56.

[36] Православие в Эстонии. Т.2. С. 22.

[37] Докладная записка о православной миссии в освобожденных областях России [1942?]. ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 416. Л. 101; *Балашов Николай, прот., Прекуп Игорь, прот.* Проблемы Православия в Эстонии. С. 35.

[38] Письмо приходского совета Печерского храма в честь 40 мучеников Синоду Эстонской Апостольской Православной Церкви от 16 сентября 1940 г. // Православие в Эстонии. Т.2. С. 116. Для верности несогласные с требованием автокефалии церковные деятели были еще весной 1923 года в административном порядке высланы из Таллина. См: Письмо графини Софии Стенбок архиепископу Рижскому и всея Латвии Иоанну от 19 ноября 1923 г. // Православие в Эстонии. Т.2. С. 48.

[39] Цит. по: *Põld A.* History of the Orthodox Church of Estonia // The Autonomous Orthodox Church of Estonia / L'Eglise autonome orthodoxe d'Estonie: Approche historique et nomocanonique. Ed.: *Archim. Grigorios D. Papathomas, r. p. Matthias H. Palli.* Athenes, 2002. P. 276; Православие в Эстонии. Т.2. С. 41–42.

[40] *Чибисова А. А.* Автокефалия «под ключ»: некоторые факты из истории Польской Церкви 1924 г. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81. С. 64–80. Впрочем, доставка в Польшу оригинала томоса вылилась еще в дополнительные досадные траты.

[41] Православие в Эстонии. Т.2. С. 42.

[42] Там же. С. 42–43.

[43] Вот как митрополит Антоний (Храповицкий) писал об этом святому Патриарху Тихону: «В Царьграде мой недавний друг Мелетий оказался вторым Несторием. Вероятно, вы получили их декреты, совершенно разрушающие православные каноны. Греки, впрочем, уже изгнали Патриарха-масона, избив его до полусмерти» (Письмо Святейшему Патриарху Тихону от Архиерейского Синода заграницей // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933): Материалы конференции. Сэнтендре (Венгрия), 13–16 ноября н.ст. 2001 г. / Русская Церковь. XX век. Мюнхен, 2002. Кн. 1. С. 552).

[44] См., напр., уже цитированное письмо графини Стенбок архиепископу Иоанну от 19 ноября 1923 г.

[45] The Autonomous Orthodox Church of Estonia... P. 117.

[46] Православие в Эстонии. Т.2. С. 42–45.

[47] Кириарх – (от греч. κύριος - господин, ἀρχή - начало, управление) понятие, употребляемое для обозначения первого епископа Поместной Церкви по отношению ко всем находящимся в его юрисдикции епархиальным епископам (см.: *Цыпин В., прот.* Кириархальная Церковь // Православная энциклопедия / URL: **https://www.pravenc.ru/text/1840229.html** (24.08.2020)).

[48] Православие в Эстонии. Т.2.С. 121.

[49] Там же. С. 55–69.

[50] Устав Эстонской Апостольской Православной Церкви. Таллин: Изд. Нарвского Епархиального совета, 1935. С. 7.

[51] Цит. по: *Балашов Николай, прот., Прекуп Игорь, прот.* Проблемы Православия в Эстонии. С. 36.

[52] Там же. С. 37.

[53] Там же.

[54] См.: *Põld A.* History of the Orthodox Church of Estonia // The Autonomous Orthodox Church of Estonia. P. 281.

[55] *Балашов Николай, прот., Прекуп Игорь, прот.* Проблемы Православия в Эстонии. С. 38.

[56] Православие в Эстонии. Т.2. С. 52.

[57] Письмо митрополита Таллинского Александра Патриарху Московскому и всея России Тихону от 12 декабря 1923 г. // Православие в Эстонии. Т.2. С. 51–52.

[58] Расписка в получении письма митрополита Александра, данная Патриархом Тихоном 6 февраля 1924 г. // Православие в Эстонии. Т.2. С. 52-53.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/61062/